

*Т.В. Носова*

ЛОГИКА И РИТОРИКА В СУДЕБНОЙ РЕЧИ:  
КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

*В статье рассматривается аргументация как когнитивный процесс планирования убеждающего воздействия на анализе судебной речи, специфической особенностью которой является наличие нескольких адресатов. Автор показывает, что эффективность судебной аргументации базируется на взаимодействии риторических и логических средств убеждения.*

*The article examines argumentation as a cognitive process of planning which has a convincing influence upon the analysis of a court speech, the specific peculiarity of which is addressing several persons. The author shows that the efficiency of argumentation in court is based on the interaction of rhetorical and logical means of persuasion.*

Ключевые слова: *аргументация, когнитивный подход, модель мира адресата, судебная риторика, суд присяжных, логика.*

Keywords: *argumentation, cognitive approach, addressee's world model, rhetoric in court jury trial, logic.*

Возрождение судов присяжных в современной России, притом, что традиции судебной риторики великих русских юристов XIX в. во многом утрачены, актуализирует вопрос об эффективности тех средств, которыми процессуальные противники могут склонять суд к желаемому решению.

Судебная речь как разновидность аргументативного воздействия обладает некоторыми специфическими характеристиками. Прежде всего, в судебной риторике принято выделять четырех адресатов судебной речи: главный адресат - суд (присяжные), но к таковым относят так же процессуального противника, других участников процесса и аудиторию. Планируя свое выступление в суде, прокурор или адвокат, как минимум, стремится построить его так, чтобы оказать доминирующее влияние на формирование решения суда и «нейтрализовать» своего су-

дебного оппонента. На первый взгляд, кажется, что процессуальный противник не является адресатом аргументации – ведь его невозможно переубедить, да и цель такая не ставится. Однако не стоит забывать о праве реплики у сторон после произнесенных речей, когда одна фраза может разрушить всю успешную процедуру убеждения суда. «Нейтрализовать» оппонента - это значит настолько убедительно опровергнуть систему его доводов, чтобы лишить его возможности что-либо возразить. Как представляется, такое воздействие должно быть спланировано заранее, и в этом аспекте можно говорить о процессуальном противнике как об адресате аргументации. Что касается подсудимого, то адвокат, конечно, вряд ли ему адресует свою аргументацию. Но речь прокурора вполне может иметь своей целью, помимо воздействия на суд, побуждение подсудимого к признанию своей вины, поскольку понятно, что таковое способно стать определяющим фактором в принятии решения присяжными.

Одной из функций судебной речи юристы считают воспитательную, поэтому нельзя совсем исключить аудиторию из числа адресатов, к которым обращена судебная аргументация. Что субъект аргументации может в этом случае изменить в убеждениях адресата? – Например, представление о справедливости, о незаконности каких-либо поступков, повысить степень юридической информированности аудитории и т.д.

С позиции когнитивного подхода, субъект строит аргументацию, опираясь на свое представление об адресате, на его модель мира, что предполагает, в свою очередь, предварительное эмпирическое диагностирование адресата. Заметим, что в случае судебной аргументации выявление опор убеждений и моделей мира адресатов вызывает определенные сложности: субъект не может вступить непосредственно в диалог с ними, их прямой контакт запрещен процессуально (в отношении присяжных, по крайней мере). Кроме того, этот адресат представляет собой группу лиц, которые могут иметь различные убеждения. Поэтому представление о суде (и о процессуальном противнике, если не приходилось еще с ним состязаться в суде), которое формируется у субъекта аргументации, не только интуитивно, но и не детализировано, неконкретно. Оно основано только на анализе тех вопросов, которые ими задаются свидетелям и подсудимому в процессе судебного разбирательства,

эмоциональной реакции присяжных, а также на знании субъектом решаемых адресатами задач и на общепринятой системе ценностей.

Для судебного оратора принципиально важным компонентом модели мира адресата является отношение к слушаемому делу, поскольку именно на его изменение направлена аргументация. Каким может быть это отношение? - негативным для подсудимого, позитивным либо еще не сформировавшимся. В силу того, что сам судебный оратор занимает определенную позицию по делу (более того именно к ней он стремится склонить суд), то он должен построить, фактически, только две модели мира адресатов аргументации - присяжных и процессуального противника. Эти две модели принципиально различны, хотя, безусловно, имеют и общие черты (моральные принципы, включающие общечеловеческие ценности, например). Отношение к судебному делу присяжных можно охарактеризовать как:

- 1) несформированное;
- 2) непрофессиональное;
- 3) формирующееся с нуля, при полностью отсутствующей информации о событии преступления (только то, что прозвучит в суде).<sup>1</sup>

Отличительными характеристиками отношения к делу процессуального противника являются:

- 1) сформированность и оформленность позиции, высказываемой в явной форме;
- 2) профессионализм, включающий возможность квалификации деяния как незаконного;
- 3) базирование отношения на детальном знании обстоятельств дела;
- 4) рационализированная позиция, опирающаяся на знание и применение логики.

Стоит заметить, что для судебного аргументатора существенно смоделировать образ подсудимого, ибо это один из «кирпичиков», который будет положен в проект воздействия на присяжных. В аргументации, адресованной присяжным, немаловажно спланировать такие их реакции как сопереживание (соответственно, возмущение, негодование), понимание причин поступка (негативную его оценку) и т.п.

---

<sup>1</sup> Большая часть аудитории и участников процесса таким же образом относится к судебному делу, что очевидно, так как присяжные – это обычные граждане.

Таким образом, относительно трансформации модели мира присяжных, выступающей как основная задача судебных прений, адвокат и прокурор решают следующие задачи: во-первых, создать условия для принятия/ непринятия судом образа мира подсудимого, а во-вторых, вызвать сомнение в обоснованности позиции процессуального противника. Как представляется, эта двуединая задача может быть успешно решаемая только одновременным использованием риторических и логических средств. Далее мы обратимся к судебным речам известного русского адвоката Андриевского С.А., который в своих выступлениях в суде умело сочетал блестящую логику доказательства с яркими образными повествованиями, превращавшими судебную речь поистине в художественное произведение.

Речи С.А.Андриевского отличались тонким психологизмом, раскрывающим перед присяжными, прежде всего, личность подзащитного, внутренние движения его души, приведшие к роковому событию, а не только формальные обстоятельства дела. Для него выступление адвоката было сродни искусству: "...Уголовная защита, прежде всего, не научная специальность, а искусство, такое же независимое и творческое, как все прочие искусства, т. е. литература, живопись, музыка и т. п., - писал он, - ...В сложных процессах, с уликами коварными и соблазнительными добиться правды способен только художник, чуткий, понимающий жизнь, умеющий верно понять свидетелей и объяснить истинные бытовые условия происшествия"[1, с.4-5].

Речи Андриевского просты, доступны для понимания, ориентированы на те ценности, которые не могут не затронуть присяжных. Он не оправдывает самого преступления, но, воспроизводя события, переживания своего клиента, предшествовавшие его совершению, обращается к сердцам слушателей. Будучи мастером слова, он умело использовал в выступлениях метафоры, выразительные риторические вопросы и тонкую иронию, причем, не снижая пафоса речи, мог прибегнуть и к простонародным выражениям, пословицам, поговоркам, на которые откликались слушатели. Следует отметить, что активное использование литературно-художественных выразительных средств было сознательным, тактическим приемом Андриевского, направленным на «завоевание» присяжных. Сам он об этом писал так: "Сделавшись судебным оратором, прикоснувшись на суде присяжных к "драмам действительной жизни", я почувствовал, что и я, и присяжные заседатели,

- мы воспринимаем эти драмы, включая сюда свидетелей, подсудимого и бытовую мораль процесса, совершенно в духе и направлении нашей литературы. И я решил говорить с присяжными, как говорят с публикой наши писатели. Я нашел, что простые, глубокие, искренние и правдивые приемы нашей литературы в оценке жизни следует перенести в суд"[1, с.4-5]. Достаточно привести некоторые примеры, чтобы увидеть, как он это сделал..

В защите Андреева, убившего свою жену [4, с.128-135], Андреевский выбирает с точки зрения восприятия речи слушателями весьма выигрышный композиционный подход – строит речь в форме повествования, описывая события жизни и ощущения подзащитного как в романе, противопоставляя два его состояния - счастья и предательства:

1) «Что бы там ни говорили, но "не подобает быть человеку единому". Это закон жизни, основа всего мира. Какую бы дружбу мы к ближним ни испытывали, мы все-таки чувствуем себя отдаленными от них. Только в существе другого пола мы находим как бы частицу своего сердца, которое стучит нам навстречу и сливает нас с этим существом нераздельно. Эту высшую радость Андреев нашел в своей второй жене. Он не знал, как отблагодарить ее... Скромный мужчина, прозевавший бурные страсти юности, в таких случаях думает себе: "Вот оно, наконец, то настоящее счастье, которое, кажется, все знают, а я еще никогда не испытал"....»

2) «В жизни Андреева произошло нечто вроде землетрясения, совсем как в Помпее или на Мартинике. Чудесный климат, все блага природы, ясное небо. Вдруг показывается слабый свет, дымок. Затем, черные клубы дыма, гарь, копоть. Все гуще. Вот уже и солнца не видать. Полетели камни. Разливается огненная лава. Гибель грозит отовсюду. Почва колеблется. Безвыходный ужас. Наконец, неожиданный подземный удар, треск, и - все погибло.

Откуда-то изнутри в Андрееве поднялась могучая волна, которая захлестнула собой и разум, и сердце, и совесть и память о грозящем законе.

...В нем до бешенства заговорило чувство непостижимой неправды.

Человек "выступил из ума", был "вне себя"... Его ноги и руки работали без его участия, потому что душа отсутствовала...

Неужели собратья-люди этого не поймут?»

Диагностируя образ адресата (присяжных), Андриевский исходит из того, что перед ним обычные русские люди, их мир основан на христианской морали, в которой осуждается ложь, предательство (один из самых тяжких грехов в обыденном сознании – ведь Иуда предал Христа!), но ценится раскаяние в собственных нечестивых поступках (опять же библейские образы). Конечно, в Библии сказано: «Не убий!», а подсудимый убил. Но душа-то отсутствовала, - акцентирует адвокат, за что же спрашивать с того, у кого души не было в роковой момент? Не смогла душа пережить страшное предательство. Судьи, еще раз подчеркнем, обычные люди, со своим собственным опытом жизни. И к нему тоже обращается Андриевский: рисуя образ «скромного мужчины», пропустившего страсти юности, он неслучайно все время обобщает, как бы говоря тем самым: ведь вы тоже, «собратья-люди», испытывали подобное. Насыщая свою речь сравнениями, метафорами, риторическими вопросами, оживляя текст, адвокат заставляет слушателя сопереживать и задумываться. Такой прием в риторике называют идентификацией (уподоблением), смысл его в том, чтобы эмоциональное состояние и логика суждений того, кто оказывает воздействие, стали понятными и приемлемыми для адресата этого воздействия. Применение идентификации способствует тому, что модель мира подсудимого (в передаче адвоката) становится созвучной модели мира присяжных, а значит, они готовы ее принять. В этой речи Андриевского, как и в защите по делу Иванова [4, с.149-163], например, как будто нет доказательств в юридическом смысле – просто рассказ о несчастной судьбе обманутого человека, сопровождаемый тонким психологическим анализом. Однако, вся речь, от начала и до конца формирует у слушателя мнение, что по отношению к подсудимому была совершена такая нестерпимая подлость, что привела его в «умоисступление», в этом плане она вся есть доказательство. С.А.Андриевский часто говорил, что не стоит выносить решения на основе только доказанности чьего-то поступка, следует «заглянуть в душу», выяснить, что же неотвратимо привело человека к такому образу действий. Суд присяжных признал Андреева виновным в убийстве, совершенном в состоянии крайнего раздражения и запальчивости.

Андриевского часто обвиняли в том, что в его речах отсутствует «железная логика доказательства», что успеха он добивается, именно обращаясь к эмоциям судей. Как представляется, обвинения были несправедливы. Для того, чтобы тезис

речи был воспринят, недостаточно только украшать речь литературно-художественными приемами, она должна содержать ясную и отчетливую для понимания присяжных цепочку причинно-следственных связей дела, то есть определенную логику. Именно ее наличие приводит к тому, что "... речь предстает перед слушателями как целостная композиция, в которой каждый смысловой блок занимает свое место"[3, с.42-43]. По мнению В.Ф. Бохана, формирование судейского убеждения наиболее интенсивно происходит в момент восприятия знаний, которые "в цепи причинно-следственных связей ближе всего расположены к исследуемому событию или факту. ...Чувство уверенности наряду со знаниями - основа судейского убеждения"[2, с.17].

Обратимся к другой речи Андриевского, чтобы наглядно показать в ней наличие цепочки причинно-следственных связей. С предельным лаконизмом, однако, не чуждым художественных оборотов, Андриевский ведет защиту братьев Келеш [4, с.164-168], обвинявшихся в поджоге с корыстной целью, ради страховой премии.

Свое выступление адвокат начинает с противопоставления правды и неправды:

«Каждое обвинение можно сравнить с узлом, завязанным вокруг подсудимого. Но есть узлы нерасторжимые и узлы с фокусом. Если защита стремится распутать правдивое обвинение, то вы всегда видите и замечаете, какие она испытывает неловкости, как у нее бегают руки и как узел, несмотря на все усилия, крепко держится на подсудимом. Иное дело, если узел с фокусом. Тогда стоит только поймать секретный, замаскированный кончик или петельку, потянуть за них, - и все пути разматываются сами собою - человек из них выходит совершенно свободным».

И далее он строит речь, показывая, что за его подзащитными – правда, а он не испытывает никакой неловкости.

Реконструируем далее основные идеи речи с тем, чтобы выявить ее логическую структуру (ту самую «цепочку причинно-следственных связей», о которой шла речь выше).

Защита по этому делу предполагает:  
опровержение участия в поджоге,  
опровержение мотива преступления (корысти),

опровержение способа реализации мотива (получение страховки).

По первому пункту Андриевский выбирает интересный способ опровержения: он не опровергает участие братьев Келеш в поджоге, он понятно и доступно для восприятия присяжными опровергает сам факт поджога.

Структура защиты:

**I опровергаемый тезис: *Был поджог.***

**Если был поджог, то поджигатель должен был проникнуть в кладовую.**

**В кладовую никто не мог проникнуть.**

**Следовательно, поджога не было.**

Доказывая, что никто не мог побывать в кладовой, Андриевский рассматривает все возможные варианты проникновения в помещение:

1) через дверь – Но «замок... оказался запертым и неповрежденным. Приложенная печать...не была снята».

2) проникнуть через форточку, следовательно, разбив окно. - Но окна все целые.

В принципе чисто логически этого уже достаточно, чтобы отвергнуть версию проникновения в кладовую через окно, однако, чтобы усилить эту позицию, создав позитивный образ своих подзащитных, адвокат добавляет:

- до форточки на четвертый этаж можно было добраться по лестнице - но приставленной лестницы никто не видел (*а люди ведь все видят!- Т.Н.*);

- до форточки на четвертый этаж можно было добраться по водосточной трубе – Но «нужно быть обезьяной или акробатом - приучиться к этому с детства, а братья Келеш - 40-летние люди и гибкостью тела не отличаются» (*т.е. они – серьезные, солидные люди. – Т.Н.*)

**Вывод: Причиной пожара не мог быть поджог, была иная причина.** «Никто в нее [кладовку] не входил и не мог войти. Отсюда один возможный вывод, что неуловимая, недоступная для глаза причина пожара, микроскопическая, но, к сожалению, действительная, уже таилась в кладовой в ту минуту, когда ... Некрасов заперла кладовую». Только пустяк, только непотушенная папироска, запавшая искорка могла действовать таким образом, - добавляет он.

Чтобы у присяжных не возникло подозрение, что именно братья Келеш могли умышленно оставить непотушенную сигарету в кладовой с целью поджога, адвокат показывает, что человек, оставивший сигарету не желал пожара:

**Если человек желает непременно устроить пожар, он воспользуется надежным средством (керосин, например).**

**Непотушенная сигарета не является надежным источником огня** («Иной раз табак горит успешно, иной -- нет: дотлеет до какого-нибудь крутого корешка -- и стой!-- попадает сырая ниточка и -- кончено. И кому же лучше знать эти свойства табака, как не табачному фабриканту?» - *обращение к жизненному опыту слушателей*)

**Следовательно, человек, оставивший сигарету не желал устроить пожар.**

«Таким образом, вся история пожара громко говорит нашей совести и ясно доказывает нашему уму, что пожар этот не задуман человеком, а вызван непредвиденным случаем». Это и есть та «петелька», потянув за которую, распутаешь все дело.

**II опровергаемый тезис: *Пожар братьям Келеш был выгоден.***

**Если при плохом состоянии дел стремиться извлечь выгоду из пожара, то надо вывезти и спрятать товар, сжигая пустые стены**

**Дела на фабрике шли плохо, но «ничего ни из кладовой, ни из фабрики не спрятали, не вывезли».**

**Следовательно, братья Келеш не стремились извлечь выгоду из пожара.**

Параллельно логике изложения обстоятельств происшедшего продолжает формироваться позитивный образ братьев, вполне воспринимаемый христианином: дескать, и дела плохо шли, но они – честные люди, ничего не украли.

**III опровергаемый тезис: *Страховка была выгодна братьям Келеш.***

Опровергая этот тезис, Андриевский приводит цифры: фабрика была застрахована в 25000, и не в первый год. За сгоревшее имущество получено было в связи с его малой ценностью всего 8000. Кроме того, эти деньги были отданы за долги, в результате чего братья страховкой даже не покрыли убытков.

Косвенное опровержение дополнено прямым:

**Если бы желать извлечь выгоду из страховки, надо поджечь более ценное - фабрику, а не кладовку.**

**Фабрику не подожгли, сгорела кладовка.**

**Значит, не стремились извлечь выгоды из страховки.**

Завершает свою речь адвокат, применяя не только художественный оборот, но и нравственную оценку по отношению к обвинителям, выдающим ложь за правду (апеллируя к понятию стыда):

«Мокрое дело не может возгореться, да стыдно будет не Келешам - они не поджигали, - а тем иным поджигателям, - их врагам, которые раздули это дело».

В этой речи Андриевского не просто присутствует «железная» логика рассуждения, она может быть даже показана в формально-логической записи. Мы этого не делаем сознательно, чтобы акцентировать мысль о том, что понять эту цепочку причинно связанных мыслей адвоката мог самый обычный обыватель, не подозревающий о том, какие модусы умозаключений были использованы.

В заключение поделимся сомнением. Очевидно, что наши современные суды еще ждут своих Андриевских и Плевако. Но возникает вопрос, не станут ли они софистическими аренами в будущем? Когда в блеске риторических фигур будет потеряна истина, когда виновные смогут уйти от наказания?.. Вероятно, этого не произойдет только при одном условии – если модель мира присяжных будет включать в себя с необходимостью систему соответствующих моральных принципов, с которой каждый адвокат вынужден будет соотносить свою аргументацию. Но это проблема нравственности, а не аргументации.

#### Литература

1. *Андриевский С. А.* Драмы жизни. Защитительные речи. Пятое дополненное издание, Петроград, 1916.
2. *Бохан В.Ф.* Формирование убеждений суда. Минск, 1973.
3. *Кохтев Н.Н.* Ораторская речь: стиль и композиция. М., 1992.
4. *Судебные речи известных русских юристов.* М., Государственное издательство юридической литературы, 1957 .

*Татьяна Валентиновна Носова* — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета, [nosova@bsu.edu.ru](mailto:nosova@bsu.edu.ru).

*Dr. Tatyana Nosova*, Associate Professor, Department of Philosophy, Belgorod State University, [nosova@bsu.edu.ru](mailto:nosova@bsu.edu.ru).